

УВИДЕТЬ СВЕТ

Лев Устинов всю свою жизнь пишет пьесы-сказки для детей. Поэтому, наверное, особенно пристально вглядывается в несовершенства отнюдь не сказочного мира взрослых. Им создано тридцать пьес, многие из которых идут в театрах страны. Лев Устинов — автор, весьма популярный за рубежом. Шестнадцать его пьес поставлены в разных уголках мира: от Швеции до Сири, от Японии до США.

В 1987 году советский драматург стал лауреатом Итальянской национальной премии по детской литературе.

лирующих, карающих. Подозрительность — самая убиточная статья национального бюджета.

Нам предстоит сейчас великое испытание — испытание доверием. И может быть, это самое серьезное испытание за всю историю нашей страны. Нам бы только страха поменьше: перед начальниками, перед теми, кто нас охраняет, перед теми, кто должен нас защищать, перед теми, кто может нас оскорбить на работе, дома, на улице...

Я понимаю: совсем без страха жить невозможно. Он в природе человека. В его генетическом коде. Но мы должны поменять места многие свои страхи. Мы все боимся, что о нас плохо подумают, а бояться надо, чтобы самим о других плохо не думать. Мы все боимся, что нам чего-то недодадут, а бояться надо, чтобы не взять лишнего. Старые страхи заставляют нас помалкивать в присутствии своих детей, а надо бояться того, что наши дети не находят с нами общего языка. Страх бросал нас в сражения, без которых можно было бы и обойтись, и со страха мы совершали подвиги там, где для победы была нужна всего лишь мудрая осторожность...

Опять долгий, грохочущий туннель с нарастающим чувством тревоги, и все-таки снова свет... Вспомнился молодой итальянец у входа в собор. Он, даже не пытаясь укрыться от дождя, мокрый, озябший, услужливо открывал каждому входящему двери и шепотом просил: «Помолитесь за меня...» И вдруг я позавидовал ему. Я бы так не смог. Наверное, нет у меня культуры самоосуждения. Мы много десятилетий жили без права на покаяние и без права на прощение. Признался — пропал. Самокритика наша не для того, чтобы простить, а для публичного осуждения. Мы разучились прощать, и нам даже в голову не приходит, что непрощенный еще может стать счастливым, а непрощивший — никогда.

Если нет права на прощение, тогда выгоднее врать, чем говорить правду, потому что сказанная о себе правда может стать доносом на самого себя.

В Казахстане и Узбекистане сотни и тысячи участников «хлопкового ограбления» государства, которые были вынуждены подчас силой обстоятельств и даже иногда помимо своей воли участвовать в этом нечистом деле,

сейчас добровольно, сами приходят с повинной и возвращают государству нажитые нечестным путем деньги. Их прощают. Им дают возможность вступить в честную жизнь. Потому что народ нельзя наказывать. Народ не может быть виноватым. Виноваты те, кто поставил народ на грань вины.

Великая это учеба: уметь оправдывать других и не оправдывать самого себя. Но учиться этому надо. Так давайте же дадим человеку возможность внутренней альтернативы. Давайте дадим ему право переосмыслить свою жизнь и начать жить по-другому. Давайте это возведем в ранг нормального образа жизни. Тем более что сделать это предстоит многим и многим советским людям. Прошлое не должно быть удавкой на шее свободного человека.

И еще нам надо учиться быть верным своей семье, своему дому, своим родным. Потому что без верности родным не может быть верности Родине. Родина — это от слова Родителя.

И как же это печально и стыдно, что у нас в школе восьмикласскам по внеклассному чтению в серии «Пионеры-герои» на лето все еще задают читать фальшивую книжку Виталия Губарева про Павлика Морозова. Зачем же мы все еще тащим за собой столь сомнительный пример для подражания! Неужели кому-то и сейчас хочется, чтобы мы помалкивали в присутствии своих детей? Мы обязаны делать и делаем все, что можем, для того, чтобы то время никогда не повторилось.

В пьесе Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи» есть сцена, когда родители после ухода сына в страхе обсуждают, не сказали ли они при нем чего-нибудь такого, о чем он может как «честный мальчик» рассказать в своем «гитлерюгенде». Такие мальчики были у Гитлера, были они и у Муссолини.

Но у времени свой ход и свои пьедесталы. Приходит срок, и оно меняет местами своих героев. Теперь мы, наконец, вспоминаем, что были в те страшные времена дети, которые не отказывались от своих отцов. Они заплатили дорожной ценой за честность и верность. Но честность и верность — это то, что выше любой цены. И современная молодежь понимает это, замирая и аплодируя на спектаклях по пьесе «Завтра была война» Бориса Васильева.

Но у нас в театрах сегодня только одна такая пьеса. К сожалению, только одна.

Нет, я не предлагаю предать забвению имя Павлика Морозова. Мы должны помнить и о нем. Только не как о герое, а как о жертве чудовищной трагедии того времени. Мы должны помнить, потому что прошлое всегда должно быть с нами: светлое, гордое, умное, позорное, глупое, стыдное — всякое. Прошлое — это учитель учителей. Ведомому прошлое может быть и неизвестно, но ведущий должен его знать. Чтобы не ступить дважды в одну и ту же воду. Чтобы не идти к счастью той дорогой, которая уже принесла нам однажды немислимые миллионы несчастий.

Поезда в Италию ходят с такой скоростью, что нет смысла летать. Меньше двух часов — и ты уже во Флоренции.

Город поражает своей архитектурой, полотнами великих живописцев, площади заставлены скульптурами Микеланджело. Музеи, музеи, музеи... И дом, в котором Достоевский написал своего «Идиота». Почему именно во Флоренции? Трудно понять... Странные были времена: где хотел, там и писал.

Флоренция всегда полна туристов. Но отойдешь чуть в сторону от центра — и город пуст. Улицы заставлены машинами и велосипедами, а людей почти нет. Все трудятся. Здесь никто ничего не хочет «раздобыть». Но зато все хотят заработать. Один мой знакомый итальянец сказал: «Я не люблю, когда для меня что-нибудь делают бесплатно. За что не надо платить, за то потом приходится расплачиваться».

На следующий день у нас произошел забавный случай. Мы зашли купить бутерброды в маленький магазин. Хозяйка магазина, само воплощение веселой приветливости, услышав русскую речь, спросила нас, откуда мы, и когда узнала, что из Москвы, обрадовалась, хлопотала, тараторя при этом, что она была в Москве и Ленинграде, что в полном восторге, что мечтает поехать еще раз, теперь вместе с сыном. Мы попытались заплатить, но она вскинула руки: «Нет, нет! Горбачев!» И сказала это таким серьезным тоном, что мы не стали сопротивляться.

А вечером, в гостинице, улетая «ужин за счет Горбачева», мы смотрели по телевизору футбольный матч из Болоньи и вдруг увидели, как в перерыве между таймами болельщики развернули во всю ширину футбольного поля голубое полотнище с изображением голубя мира и надписью: «Горбачев — Рейган — грация». И несли этот транспарант под веселые аплодисменты вставших трибун...

За эти месяцы многое изменилось в мире. Если сбывается маленькая надежда, начинаешь верить в большую. За эти годы Горбачев поседел. Да и 17 дней в марте не пройдут для него бесследно. И для страны тоже. За эти три года мир немного успокоился, а наша жизнь стала намного тревожнее. Наверное, это полезная тревога. Но пока что тревог больше, чем радостей. А может быть, это и есть тот самый единственно верный путь: через вечные тревоги к долгожданной радости? Мы пока еще больше говорим, что пора в дорогу. Я надеюсь, что XIX партконференция станет началом этой настоящей дороги.

Мы должны будем пойти по ней мужественно, с открытыми глазами, чтобы увидеть себя и мир такими, какие мы есть на самом деле. Нам будет непросто привыкать к яркому, порой режущему свету. Но это не страшно. Страшна только темнота.

А итальянцы все едут и едут к доктору Федорову в Москву за прозрением. А нам некуда ехать. Мы должны прозреть дома.

И каждый должен увидеть свой луч света.

Фото В. Крохина.